

не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя внимание, и естество наблюдателя, не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху...» (138) – «Vanished and gone was the being, protected by *no one*, dear to *no one*, interesting to *no one*, who had *not even* attracted the attention of a naturalist who *does not* fail to stick a pin through a common fly» (419). В приведенном контексте русским местоименным словоформам *никем*, *никому* и др. в тексте перевода соответствует английская лексема *no one* 'никто', но повторение ее создает такой же драматический эффект, как и в оригинальном тексте.

В данной статье мы остановились на анализе лишь собственно модальных средств выражения авторской модальности в повести «Шинель», хотя реализация ее осуществляется через всю образно-языковую систему произведения. Но даже такой выборочный анализ позволяет, как нам представляется, сделать вывод о степени адекватности его английского перевода, суть которой очень точно, на наш взгляд, была сформулирована польским исследователем Ирэнной Дашчинской: «Дать адекватный перевод художественного текста – значит добиться такого уровня перевода, когда он оказывает адекватное подлиннику эмоциональное воздействие на читателя и содержит ту же семантическую и стилистическую информацию, какую находим в исходном тексте» [4, s. 13]. Думается, что переводчики повести Н. В. Гоголя «Шинель» добились такого эффекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин, Ю. А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры / Ю. А. Сорокин. – М. : Гнозис, 2003. – 160 с.
2. Казакова, Т. А. Художественный перевод: в поисках истины / Т. А. Казакова – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – 224 с.
3. Белинский, В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя / В. Г. Белинский // Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. – М. : Худож. лит., 1948. – 797 с.
4. Daszczyńska, I. Frazologia wojennych powieści Konstantina Simonowa w konfrontacji z polskimi przekładami / I. Daszczyńska. – Słupsk: Wyd. Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1982. – 56 s.

Ю. А. Гурская (Минск, Беларусь)

К ВОПРОСУ О ПЕРЕХОДНОМ ХАРАКТЕРЕ БЕЛОРУССКОЙ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В трудах С. М. Прохоровой особое место занимает теория языковой непрерывности, которая, согласно исследованиям, соотносится с идеей переходности, подразумевающей невозможность проведения точных границ между языками. Переходность С. М. Прохорова понимает как поле одного языкового явления, где «центр поля характеризуется неосознанным билингвизмом носителей говоров по отношению к определенному языковому

явлению» [1, с. 4]. На синтаксическом уровне в белорусском ареале С. М. Прохорова выделила три среза переходности – западно-восточнославянский, прежде всего польско-белорусско-украинский, русско-белорусский, а также балто-славянский [1, с. 4]. Данные положения были подтверждены на диалектном материале [2; 3].

На наш взгляд, термин переходности можно применить по отношению к антропонимическим системам родственных языков, формирование которых происходило в условиях многовекового постоянного контакта [4, с. 88–93]. При этом понятие *переходная АС* (антропонимическая система) по аналогии с понятием *языковая переходность* свидетельствует о своеобразии данной системы, а не упраздняет и не размывает ее самостоятельность [5, с. 419].

То, что белорусская АС характеризуется большой неоднородностью и ярким своеобразием отмечали многие исследователи. Так, Б. Унбегаун указывал, что в результате разностороннего влияния на белорусскую антропонию польской, русской, украинской и литовской фамильных систем «белорусские фамилии представляют собой довольно *эклeктическую и разнообразную систему*, которая еще менее последовательна, чем система русских или даже украинских фамилий» [6, с. 227] (выделено нами. – Ю. Г.). Вопрос о сходстве смоленских и белорусских фамилий поднимается в работах И. А. Королёвой [7; 8]. На сходные черты АС белорусско-польского пограничья указывали польские ученые З. Абрамович, Л. Титко, Л. Дацевич и др.

В белорусском ареале нами выявлено три диахронических среза переходности АС – *балто-славянский, западно-восточнославянский и восточнославянский (белорусский и белорусско-украинский)*. Данные срезы отчасти коррелируют с выводами С. М. Прохоровой о переходном характере белорусской территории на синтаксическом уровне [1]. В то же время переходность АС имеет свою специфику.

Переходное положение белорусской АС между западнославянскими и восточнославянскими системами отражено в продуктивности структурных типов фамилий, в частности, в почти пропорциональном соотношении в белорусском ареале оттопонимического типа на *-ски/-цкі* (9,87 %) и патронимического на *-овіч/-евіч, -іч/ыч* (8,32 %) [9, с. 29–48]. Первый тип доминировал в высших слоях в западнославянских АС (Польша, Чехия), второй – в восточнославянских и южнославянских [9, с. 16–59]. В XVII–XIX вв. продуктивность патронимического типа в бел. ареале существенно возрастает за счет увеличения ф. на *-оў/-аў/-еў* (19,5 %), *-ін/-ын* (6 %) на белорусско-русско-украинском пограничье в связи с изменением белорусских, украинских фамилий с *-овіч/-ич* на *-ов/-ев* в Московском государстве [10, с. 29–52].

Западно-восточнославянский, в частности, польско-белорусско-украинский срез представлен древними шляхетскими фамилиями с типичным для польской антропонимии суфф. *-ски/-цкі*. Несмотря на то что фамилии на *-ский* известны всем славянским АС, данный тип наиболее распространен в западнославянских языках [9, с. 26]. В Польше фамилии на *-ский* составляют 32 %, что связано с социально-экономическими факторами.

В белорусском и украинском языках фамилии на *-ский* расширили сферу употребления под влиянием польской АС: в белорусском языке они составляют 10,5 % [3, с. 53]; в украинском – занимают по продуктивности первое место, составляя 16,54 % от всего корпуса фамилий [9, с. 17]. Фамилии на *-ский/-цкий* представлены также в фамиликоне смоленской шляхты, где они занимают первое место среди всех структурных типов.

Фамильный тип на *-ович/-евич*, который является наиболее типичным среди восточнославянских языков для белорусской АС, находит продолжение в польском и в украинском ареалах, составляя одну из двух наиболее продуктивных зон максимального распространения в славянских языках [9, с. 32]. В польском языке данные фамилии, видимо, появились под влиянием белорусской и украинской систем. На территории Белосточчины в XV–XVII вв. отмечено колебание форм фамилий на *-owic/-* и восточнославянских на *-owicz*; польск. *rz, g* и восточнославянских *r, h*: *Andr(z)ejowicz/ Andr(z)ejewicz; Bohdanowic/Bogdanowicz, Bondar/Bundar(z), Bos(z)kowic(z), Cimoszewic(z), Czobotar(z), Gowien/Howejn, Hryszkowic(z), Lachowic(z)* и др., что свидетельствует о переходности АС польско-восточнославянского пограничья.

Фамилии лексико-семантического способа образования составляют в белорусской антропонимии 25 % от всех фамилий [10, с. 50–51]. Такой тип широко представлен в украинском, польском и западноевропейских языках.

Западно-восточнославянский срез выявляется также на уровне антропонимической лексики. Специфика белорусского ареала, как уже отмечалось, состоит в функционировании антропонимов двух АС – православной и католической, что обусловило практически пропорциональное соотношение фамилий от двух форм одного из самых частотных православных и католических имен на исследуемой территории: *Иван* – 61 ед.; *Ян* – 53 ед.

Западно-восточнославянский срез переходности выявляется также в глубокой исторической общности семейной системы шляхетского сословия Польши, Беларуси, Украины и смоленской шляхты, что является отражением культурно-языковой непрерывности в передаче данного типа фамилий [7, с. 52]. Значительная часть фамилий шляхетского сословия белорусского приграничья находит продолжение на территории с польской стороны границы. Многие из этих фамилий репрезентируют общие древние роды ВКЛ, которые в силу исторических условий в настоящее время оказались по разные стороны границы, [11, с. 321].

В рамках *восточнославянского среза* на территории восточного пограничья ярко представлен *руско-белорусский срез* в силу переходного характера белорусских северо-восточных говоров. Наиболее продуктивной в белорусских фамилиях является модель на *-ов/-ев*, составляющая отличительную особенность общерусской АС [10, с. 29–48]. Данный тип фамилий является более поздним образованием, принятым крестьянством преимущественно в XVIII–XIX вв. и свидетельствующим о тесном взаимодействии антропонимии восточной части белорусского ареала с русской АС.

В памятниках XVI–XVIII вв. белорусско-русского пограничья отмечаются примеры колебаний и непоследовательностей в употреблении фамилий, свидетельствующих о переходном характере АС на разных уровнях языка. Так, в области фонетики (вокализма) отмечены параллельные формы,

употребленные одним и тем же писцом, отражающие колебания в аканье-яканье: *Яроним / Героним* 1650 [12, 28, с. 111]; *Дзяняк / Дзеняк* 1746 [12, 30, с. 290, 294]; *Голопуза* 1679 [12, 1, с. 9] / *Галапуза* 1690 [12, 7, 17]; *Kożamiaszun / Kożetiaaka* 1614 [12, 28, с. 163, 169]; маестности *Сапрыновское*, пан ... *Сапрыновскій / на им. Сапроновичы* [12, 28, с. 119].

В области консонантизма отмечаются примеры, отражающие: колебания в употреблении *r* мягкого и *p* твердого: *Григоря / Григора* 1666 [12, 28, с. 122–123]; *Бондаря* 1679 [12, 1, с. 10] / *Бондара* 1690 [12, 7, с. 178]; *Грябенчык / Грабенчык* 1746 [12, 30, с. 222]; *Крыштоф / Криштоф* 1614 [12, 28, с. 158, 178]; *Крычовский / Кричевском* 1666 [12, 28, с. 115–116]; чередование *ч* мягкого и *ч* твердого: *Качерга / Качарга* 1746 [12, 30, с. 314] (ср. предыдущий пример); смешение аффрикат *ч/ш*: *Szapka Chotolski* 1645 / *Чапки-Хотольскаго* 1645 [12, 28, с. 97]; *Павел Харжевьски / Paweł Charczewski* 1645 [12, 28, с. 100–101]; замена *ф* через *х*, *хв* и *п*: *Chodor / Chwiedzia; Fedora у Chodora* 1614 [12, 28, с. 159, 163]; *Филип* 1623 [12, 23, с. 399] / *Пилип* 1635 [12, 9, с. 218]; чередование аффрикат *дзь/ць* и твердых согласных *д, т*: *Ходкевич* 1614 [12, 28, с. 178] / *Ходзкевичом* 1647 [12, 28, с. 108]; *Девуля / шубник Дзевуля* 1695 [12, 10, с. 34]; смешение *в* и *у* перед согласными: *Hauryło / Hawryło* 1614 [12, 28, с. 174–175]; наличие и отсутствие *в* интервокального: *Леон Слижык / Лявон Слижык* 1746 [12, 30, с. 304, 317]; чередование *г* фрикативного и *г* взрывного (о *г* фри-кативном, видимо, свидетельствует написание *х* на месте *г* и *г* вместо *х*): *Дзегцяяр* [12, вып. 28, с. 165] / *Дзехцяяр* [12, 24, с. 366].

На уровне словообразования отмечены колебания суффиксов *-ович/-ов*: *Млинниковичу / Млинников* 1580 [13, 38, с. 523, 589]; *-ич/-ин*: *Сидора Ермолинича Прялинича / Сидор Ермолинич Прялини* 158 [13, 38, с. 536]. Отмечается колебание форм фамилий, образованных от прилагательных: *Коротки* 1717 [12, 24, с. 191] / *Короткий* 1730 [12, 2, с. 347].

Продолжительное соседство и сосуществование русских и белорусских говоров обеспечивает постоянное взаимодействие их словарного состава, что находит также отражение в значительном количестве фамилий с диалектными основами, общими для смоленских и белорусских говоров (а часто и для белорусского литературного языка), на что уже обращали внимание исследователи [8, с. 68–69].

Белорусско-украинский срез также выявляется на разных уровнях АС. На фонетическом уровне в памятниках представлены примеры параллельного написания фамилий с гласными *ы* (< в укр. орфографии *и*) / *и*: *Радывил / Радзивилл* [12, 28, с. 230]; *Будылы* 1692 [12, 9, с. 2] / *Будиле* [12, 2, с. 179].

С точки зрения словообразования на территории пограничья отмечены фамилии, образованные от сложных слов по модели: *глагол императив + суф. в им.п.*, которые являются характерной чертой украинской АС. Зафиксирован также фамильный тип на *-енко (-анко, -энко)*, который считается типичным для украинской антропонимии, где он занимает по продуктивности первое место и отличается непрерывностью распространения на всей территории [9, с. 52]. Ядро его максимальной продуктивности в Беларуси, по данным Н. В. Бирилло, находится на белорусско-русском пограничье, в зоне Витебска, где фамилии на *-енко* составляют более 50 % [9, с. 52].

На уровне словообразования переходность территории белорусско-русско-украинского пограничья отражена в колебании суффиксов *-енко/-ович* в одной и той же антропооснове, нередко при наименовании одного и того же лица: *Гришка Микуленка / Гришко Микулинич 1579–1580* [13, 38, с. 43, 260]; суффиксов *-енко/-онок/-ов*: *Артем Поненко / Артем Поненак / Поненков 1579–1580* [13, 38, с. 68, 458].

Балто-славянский срез переходности наиболее ярко и разнообразно представлен в белорусском ареале, где отмечены фамильные типы: *-ойць/-айць (-оец)* < лит. *-aitis*; *-ейка* < лит. *-eika, -eikis, -ейша* < лит. *-eišis, -eiša*; *-ан/-ян* < лит. *-onis*; *-ень* < лит. *-ėnas, -ėnis, -ienis*; *-ун* < лит. *-ūnas, -аль/-оль* < лит. *-alas, -elis*; *-айла/-ель/-ела/-и (ы)ла* < лит. *-elis*; *-уль* < лит. *-ulis, -уць* < лит. *-utis*. В белорусском ареале широко представлены также фамилии, образованные от древних балтийских двучленных имен. В белорусском ареале нами выявлено наибольшее число антропонимических балтизмов в отношении соседних славянских территорий [11, с. 162–180].

О сложных конвергентных процессах свидетельствуют примеры «смешанного» происхождения фамилий в результате многовекового совместного развития АС родственных языков на пограничных территориях, что отражено в невозможности точно определить, какой из языков послужил источником образования антропонима.

Таким образом, ареально-типологический анализ белорусской АС позволяет ее квалифицировать как переходную, имеющую незамкнутый характер в рамках русско-белорусского, западно-восточнославянского и балто-славянского антропонимического континуума. Общность антропонимических систем Беларуси, Украины, Польши и Литвы, а также Смоленщины обусловлена сходством исторических судеб территорий, вхождением в состав одних и тех же государственных объединений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прохорова, С. М. О переходном характере белорусского синтаксиса / С. М. Прохорова. – Минск : БГУ, 1998. (XII Междунар. съезд славистов. Доклады).
2. Кожурина, Т. А. Могилёвские говоры как переходные русско-белорусские (белорусско-русские) говоры / Т. А. Кожурина // Весн. Магілёў. дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. – Магілёў : МГУ, 1999. – № 2–3 (3).
3. Полетаева, О. А. Принципы составления регионального синтаксического атласа: переходная русско-белорусская языковая зона (Витебщина – Смоленщина) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01; 10.02.19 / О. А. Полетаева. – Калининград, 2003.
4. Dacewicz, L. Obce czy rodzime? W kwestii nazewnictwa na pograniczu polsko-wschodniosłowiańskim / L. Dacewicz // Studia Slawistyczne 1. Nazewnictwo na pograniczach etniczno-językowych. – Białystok, 1999.
5. Абаев, В. И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада / В. И. Абаев. – М. : Наука, 1965.
6. Унбегаун, Б. О. Русские фамилии / Б. О. Унбегаун; пер. с англ.; общ. ред. Б. А. Успенского. – М. : Прогресс, 1989.

7. *Королёва, И. А.* Словарь фамилий Смоленского края / И. А. Королёва. – Смоленск : СГПУ, 2006.
8. *Королёва, И. А.* Смоленские и белорусские фамилии с диалектными основами // Материалы междунар. науч. семинара, посвященного памяти О. В. Озаровского, Могилёв. гос. ун-т им. А. А. Кулешова, 27–28 февраля 1996 г. – Могилёв, 1996.
9. *Бірыла, М. В.* Тыпалогія і геаграфія славянскіх прозвішчаў / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1988. (X Міжнар. з’езд славістаў. Даклады).
10. *Бірыла, М. В.* Беларуска антрапанімічныя назвы ў іх адносінах да антрапанімічных назваў іншых славянскіх моў (рускай, украінскай, польскай) / М. В. Бірыла. – Мінск : выд-ва АН БССР, 1963. (V Міжнародны з’езд славістаў. Даклады).
11. *Гурская, Ю. А.* Становление антропонимической системы на полиэтнической территории (на материале белорусского ареала) / Ю. А. Гурская. – Минск : Право и экономика, 2016.
12. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске: в 32 вып. / Центр. архив древних актовых книг Витеб. и Могилёв. губерний. – Вып. 1–30. – Витебск, 1871–1906.
13. Акты, издаваемые Археографической комиссией для разбора древних актов: в 39 т. – Т. 1; 5; 7; 14; 17; 21; 28; 29; 38; 39. – Вильна : Тип. А. К. Киркора, 1865–1915.

О. И. Десюкевич (Минск, Беларусь)

ОБРАЗ *HOMO LABORANS* В БЕЛОРУССКИХ ДИАЛЕКТАХ

По данным тематического словаря «Чалавек» в белорусских говорах фиксируется 341 номинация человека, характеризующая его с точки зрения отношения к труду. Из них две номинации описывают человека, не занятого трудом, и являются при этом нейтральными (*слабодны, вольны*), 10 характеризуют человека хозяйственного и обладают позитивной оценкой, 329 используются для номинации человека, уклоняющегося от труда, и окрашены пейоративно [1].

Путем обнаружения семантических моделей [2; 3], лежащих в основе данных номинаций, мы попытаемся выяснить, какие семантические признаки мотивируют данные номинации и в своей совокупности составляют отрицательный образ, который косвенно свидетельствует о содержании прототипа *homo laborans* для белоруса. Мотивационный признак выражен с разной степенью интенсивности в производном слове, при собственно семантической деривации (метафоре) и в исконном (этимологическом) синкретизме значений, в последнем случае семантическая связь может вообще не осознаваться, здесь возникает также вопрос о характере заимствования, переосмыслении – все это требует, безусловно, дальнейших исследований. Мы отметим лишь те мотивационные модели, базовый семантический признак которых подтверждается как на уровне этимологии, так и на уровне семантической деривации.